

Владимир (Зев) Ханин,¹
Элина Бардач-Ялова²

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: ЭКСПЕРТЫ О МЕСТЕ ТЕМЫ ХОЛОКОСТА В САМОСОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ЕВРЕЙСТВА

В настоящее время, как для исследователей феномена советского еврейства, так и для организаций, действующих на поле русско-еврейской диаспоры, существенным вызовом становится поиск «общего идентификационного знаменателя» русско-еврейских общин разных стран и схем их взаимодействия с другими еврейскими сообществами. Одним из наиболее ярких сюжетов, содержание и понимание которых на данный момент претерпевают значительные трансформации в еврейской среде, является память о Холокосте. Определение роли и места этой темы в наследии и системе ценностей русскоязычного еврейства, а также деятельности организаций, реализующих культурологические, образовательные и иные программы для этих сообществ, стало главной задачей данной статьи.

В ее основу легли материалы, собранные в ходе исследовательского проекта, инициированного благотворительным Фондом «Генезис», включающего серию углубленных личных интервью с группой лиц, в наибольшей степени влияющих на формирование общественного мнения и повестки дня русско-еврейских сообществ. Кроме того, исследователями был проведен опрос более широкого круга общинных лидеров, профессионалов и opinion makers, работающих в организованных русско-еврейских сообществах бывшего СССР, стран Евросоюза, США и Израиля, или в тесном контакте с таковыми.

Данная статья является попыткой ответа на вопрос: в какой мере позиции и мнения русско-еврейских элит, касающиеся места памяти о Холокосте в идентификационном комплексе советского и постсоветского еврейства соответствуют картине, зафиксированной исследованиями последних лет.

1. Проф. Владимир (Зев) Ханин – Главный ученый (руководитель ведомственной науки) Министерства алии и абсорбции Израиля, преподаватель политических наук Университетов Ариэль и Бар-Илан, Израиль.

2. Д-р Элина Бардач-Ялова – преподаватель массовых коммуникаций Педагогического колледжа им. Давида Елина в Иерусалиме, ведущий научный сотрудник Института изучения «русского Израиля», Тель-Авив, Израиль.

Ключевые слова: еврейская идентичность, постсоветские евреи, Катастрофа, память о Холокосте, русско-еврейские сообщества.

Хорошо известно, что идентичность евреев СССР утвердилась на секулярной основе, в условиях практически полного подавления внешних проявлений еврейской самоидентификации. При этом массовая аккультурация советских евреев в русской социально-культурной среде не привела, вследствие ряда причин, к массовому отходу от еврейства как такового, а напротив, способствовала формированию особого типа советской еврейской идентичности, базовым элементом которой было этно-национальное, культурное и генетическое понимание еврейства. За исключением членов еще сохраняющих традиционно-общинную религиозность и субэтническую культуру остатков не-ашкеназского еврейства Кавказа и Центральной Азии, еще не перебравшихся в крупные города России или «дальнее зарубежье», этнонациональное понимание еврейской идентичности все еще остается доминирующим и в постсоветскую эпоху в регионах бывшего СССР³, равно как в странах «новой русско-еврейской диаспоры»⁴. Даже если согласиться с теми, кто отмечает возможность некоторого ослабления этнического компонента русско-еврейской идентичности в пользу иных элементов идентификации⁵.

3. См. Членов М. Особенности этнической и конфессиональной идентификации русских евреев. // Евреи бывшего СССР в Израиле и в диаспоре. № 20–21. / Под ред. Л. Дымерской-Цигельман. – Иерусалим, 2002. – С. 254–273 (на иврите). Khanin V. (Z.), Chernin V. Identity, Assimilation and Revival: Ethnic Social Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union – Ramat-Gan: the Rappaport Center for Assimilation Studies and Strengthening of Jewish Vitality, 2007. Рывкина Р. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. – М: ИВРАН, 2005.

4. Клигер С. Русские евреи и русские израильтяне в США и их отношение к Государству Израиль. // Диаспоры. – 2014. – № 1. – С. 67–90. Cohen R. Layered Identities: Jews from the Former Soviet Union in Toronto. // Russian-Jewish Emigrants after the Cold War: Perspectives from Germany, Israel, Canada and the United States. / Ed. by O. Gloekner, E. Garbolevsky, S. Mering. – Boston: Center for German and European Studies, Brandeis University, 2006. – P. 57–68. Glikman Ya. Russian Jews in Canada: threat to identity or promise of renewal?. // *Multiculturalism, Jews and Identities in Canada.* / Ed. by H. Adelman and J. Simpson. – Jerusalem: The Magnes Press, 1996. – P. 192–218. Ханин В. (З.) Израильтяне по-своему: модели идентичности русскоязычных граждан Израиля. // Несомненно, израильтяне: русскоязычные евреи «дома» и «за границей» – идентичность и культура. / Под ред. В. (З.) Ханин, А. Д. Эпштейн и М. Низник. – Иерусалим и Рамат-Ган: Министерство алии и абсорбции и Университет Бар-Илан. – 2011. – С. 13–46 (на иврите).

5. См. Nosenko-Stein E. Still warm but getting colder: changing ethnic identity of post-Soviet Jewry. // *Journal of Multilingual and Multicultural Development.* – 2014. – Vol. 35. – Issue 1. – P. 27–42.

Но конкретные модели этого феномена, адаптируясь к изменяющейся внешней среде, нормам «принимающих сообществ» и поискам оптимальных моделей интеграции «русских» евреев в еврейский мир, претерпевают очевидные изменения. В частности, все более очевидны отличия в этнической идентичности между «молодыми» и «старшими» поколениями евреев СНГ и Балтии⁶. Если для вторых характерен «общенациональный», или «универсальный», вариант еврейской идентичности, то в среде молодежи и лиц раннего среднего возраста, которые чем дальше, тем больше будут определять будущее постсоветского еврейства, ситуация другая. Там все очевидней доминирует тенденция сочетания еврейского компонента с национально-культурным самосознанием этнического большинства тех обществ, где живут евреи. Это закономерно в свете этнической гетерогенности «расширенной еврейской популяции» стран СНГ. Наряду с людьми, у которых оба родителя – евреи, в этом сообществе присутствуют, составляя очевидное большинство, и представители второго, третьего, а кое-где и четвертого поколения этнически гетерогенных семей. Это же сообщество активно «втягивает» в себя и нееврейский компонент, в первую очередь, в качестве участников культурологических, образовательных, академических, мемориальных, социально-гражданских, благотворительных, информационных и прочих общинных и квази-общинных проектов местных и зарубежных еврейских организаций. А также – что немаловажно – и в качестве партнеров по браку, что в нынешних условиях не всегда означает автоматический отказ подобной «смешанной» пары от той или иной формы идентификации с еврейскими общинами и их деятельностью⁷.

6. Этот феномен детально рассмотрен в: Ханин В. (З.), Писаревская Д., Эпштейн А. Еврейская молодежь в постсоветских странах. – Москва – Рамат-Ган: Институт востоковедения РАН и Центр еврейского образования в диаспоре им. Лукштейна, Университет Бар-Илан, 2013.

7. См. Khanin V. (Z.) and Elina Bardach-Yalov. Non-Traditional Ways of Joining Jewish Collective: the FSU Experience. // *New Joiners to the Jewish People – Trends and Implications.* / Ed. by T. Parfitt and N. Fisher. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016.

В итоге, как показывают исследования, в русскоязычных еврейских общинах за пределами Израиля семья все реже функционирует в качестве канала передачи и фактора усвоения еврейских этнокультурных практик. Все большую роль в этом смысле начинают играть такие факторы, как еврейское образование и общинный активизм, задающие свои смысловые и материальные параметры еврейской идентичности⁸. Картина становится еще сложнее, если к сказанному добавить идущий уже почти три десятилетия, противоречивый и далеко еще не заверченный процесс взаимной адаптации «местных» культурных стереотипов и культурных моделей (и их ценностных интерпретаций), «привнесенных» действующими на постсоветском поле международными еврейскими организациями.

Все это уже сегодня становится непростым вызовом как для исследователей феномена постсоветского еврейства и социокультурных процессов в этой среде, так и для организаций, действующих на поле русско-еврейской диаспоры. И те, и другие, будучи озабочены поиском «общего идентификационного знаменателя» русско-еврейских общин разных стран и схем их взаимодействия с иными еврейскими сообществами, вынуждены пересматривать уже, казалось бы, давно устоявшееся отношение и представление об элементах еврейской идентификации⁹.

Едва ли не наиболее ярким примером таких сюжетов, консенсус по поводу содержания и понимания которых, некогда существовавший в еврейском мире, сегодня претерпевает значительные трансформации, является память о Холокосте – Катастрофе европейского

8. См. Ханин В. (З.) Парадоксы идентичности: социокультурные перспективы развития системы еврейского образования в странах бывшего СССР. // *Евреи в постсоветских странах: самосознание и образование.* / Под ред. А. Эпштейна. – Иерусалим: Еврейское агентство и Открытый университет Израиля, 2008. – С. 57–82. Эпштейн А., Хеймец Н, Кенигштейн М. «В тоске по мировой культуре»: образовательные программы и национальная идентичность русскоязычного еврейства. // *Между мифом и реальностью: Проблемы еврейской идентичности и цивилизации в истории и современности.* – М.: ВГШ им. С. Дубнова, 2005. – С. 277–281.

9. Детальный обзор теорий, связанных с этой проблематикой, см. Носенко-Штейн Е. В поисках самости: изучение еврейской идентичности. // *Новое литературное обозрение.* № 127 (3/2014). – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5152>.

еврейства. Понимание места этой темы в наследии и системе ценностей русскоязычного еврейства, а также деятельности организаций, реализующих культурологические, образовательные и иные программы для этих сообществ, стало одной из целей исследования, результаты которого легли в основу данной статьи¹⁰.

Исследовательский проект, инициированный благотворительным Фондом «Генезис» (Genesis Philanthropy Group)¹¹, включал серию углубленных личных интервью с группой лиц, в наибольшей степени влияющих на формирование общественного мнения и повестки дня русско-еврейских сообществ – лидерами главных «зонтичных» и региональных организаций, руководителями профессиональных структур высшего ранга и экспертами. Кроме того, исследователями был проведен опрос более широкого круга общинных лидеров, профессионалов и *opinion makers*, работающих в организованных русско-еврейских сообществах бывшего СССР, стран Евросоюза, США и Израиля или в тесном контакте с таковыми. Этот опрос включал серию личных открыто-структурированных интервью с общинными работниками и активистами и телефонный опрос по структурированной анкете (с опцией для комментариев респондентов по заданным вопросам) по той же тематике респондентов, которые не попали в выборку личных интервью. Во всех случаях темы бесед включали широкий круг вопросов, имеющих отношение к стратегии деятельности, состоянию и перспективным тенденциям развития русско-еврейских общин разных стран.

10. Ханин В. (З), Бардач-Ялова Э. Эффективность и общественное восприятие деятельности Благотворительного Фонда «Генезис» в сфере укрепления национальной идентичности русскоязычных евреев. Предварительный отчет о социологическом исследовании. Иерусалим – Тель-Авив: Genesis Philanthropy Group, октябрь 2015.

11. Авторы благодарны исполнительному директору Фонда «Генезис» Сэне Бритавской за инициативу и поддержку исследовательского проекта, материалы которого использованы в этом тексте, а также за ценные обсуждения. Тем не менее, данные и выводы этой статьи целиком – на совести ее авторов.

Холокост и исторический опыт (пост)советского еврейства

На 22 июня 1941 г. на территориях СССР, оккупированных нацистской Германией и союзными с ней войсками (включая присоединенные к СССР в 1939–1940 гг. страны Балтии, западные области Беларуси и Украины, Бессарабию и Северную Буковину), проживали порядка 4,3 млн. евреев. Из них под властью нацистов оказалось более 2,6 млн. чел. (включая беженцев из уже захваченных Германией областей)¹². Уничтожение евреев Советского Союза началось с момента вторжения нацистской армии и продолжалось вплоть до освобождения оккупированных территорий. В итоге, из почти трёхмиллионного еврейского населения этих территорий в 1941–1944 гг. погибло не менее двух с половиной миллионов, что составило почти половину всех еврейских жертв нацизма в Европе¹³.

Несмотря на попытки советских властей выхолостить в общественном представлении преимущественно еврейский характер этой трагедии¹⁴, тема Холокоста всегда присутствовала в самосознании советского еврейства. Огромная роль таких факторов, как историческая память и политическая идентификация, стала закономерным итогом процесса кризиса еврейской традиционной идентичности, который, в свою очередь, был результатом дисбаланса между избытком негативных (государственный, административный и бытовой антисемитизм) и дефицитом позитивных источников воспроизводства их национального самосознания (культура, традиции, религия, язык). Причем, основные элементы этих ценностных компонентов – память о Катастрофе, оценка ее последствий и определение

12. См. Мафцир Б. О судьбе евреев на оккупированных территориях СССР. // Проект документации и увековечения имен евреев, погибших в период Катастрофы (Шоа) на оккупированных территориях бывшего СССР. Иерусалим: Яд Вашем. – Режим доступа: <http://www.yadvashem.org/yv/ru/holocaust/ussr/index.asp>.

13. Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в довоенных и послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны. // Вестник Еврейского университета в Москве. – М., 1995. – № 2(9). – С. 135–155.

14. Локшин А. Помнить или забыть? Отношение к Холокосту советского режима и общества. // Помнить о прошлом ради будущего: еврейская идентичность и коллективная память. / Под ред. Т. Карасовой и Е. Носенко-Штейн. – М.: ИВРАН, 2014. – С. 75–100.

отношения к Государству Израиль – с течением времени слились в национальном сознании в некое единство (источник кризиса и пути его разрешения).

Именно этот комплекс активно «переключал» на себя остатки национальной традиции и заполнял пустоты в советской еврейской идентичности. Не удивительно, что коммунистический истеблишмент с первых послевоенных лет и почти до конца советской эпохи однозначно противился любым проявлениям памяти о Катастрофе – от попыток упорядочения братских могил и установки скромных памятников погибшим землякам до митингов на местах массовых расстрелов евреев в годы войны. Отчет одного из руководителей МГБ Украины, докладывавшего в ЦК КП(б)У о своих успехах в «пресечении установления ... незаконного памятника евреям-»героям», погибшим в период немецко-фашистской оккупации» и конфискации собранных для этой цели народных денег¹⁵, отражал скорее господствующую в СССР тенденцию, чем несанкционированную «самодеятельность» местных властей. Подобная политика продолжалась и в последующие десятилетия, однако, уже начиная с 1960-х гг. «несанкционированные» митинги памяти жертв Холокоста, регулярно проходили в десятках городов СССР, причем многие из них перерастали в демонстрации солидарности с Израилем¹⁶.

Признанным символом Холокоста советского еврейства – и одновременно, благодаря деятельности активистов неформального еврейского движения, символом его национального возрождения – стал Бабий Яр в Киеве. Так, в апреле и сентябре 1972 г. в Бабьем Яру общиной «отказников» (активистов борьбы за свободную еврейскую эмиграцию и еврейское культурное возрождение в СССР) были

15. ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 24, д. 2924, лл. 153–157. Полный текст этого и иных цитируемых в статье архивных документов и аналитические комментарии к ним см. в книге: Khanin V. Documents on Ukrainian Jewish Identity and Emigration, 1944–1990. – London: Frank Cass, 2003.

16. См. Записку Отдела агитации и пропаганды ЦК КПУ «О так называемом «еврейском вопросе» в Украинской ССР», от 24.04.1969 г. (ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 25, д. 186, лл. 60–75).

организованы многолюдные митинги, посвященные, соответственно, 29-летию восстания в Варшавском гетто и памяти погибших от рук арабских террористов израильских спортсменов в Мюнхене. Показательно, что, несмотря на советскую пропаганду, отождествляющую сионизм и фашизм, в сознании советского еврейства фашистский террор и арабский террор, борьба с нацизмом и борьба за выживание Израиля сливались в одно понятие.

В перестроечные годы и первые послесоветские десятилетия этот элемент еврейской идентификации получил мощную подпитку в лице масштабного мемориального движения, итогом которого стало появление развернутой сети музеев, памятников, исследовательских центров, периодических изданий, посвященных этой теме и т. д. Однако, вопрос о том, в какой степени весь этот слой еврейской и около-еврейской публичной деятельности соответствовал идентификационным потребностям и ценностным ориентирам местных еврейских сообществ, остается открытым. Особенно в свете того обстоятельства, что в этих сообществах все более заметную долю, а в последние годы – даже большинство (включая и активистов общинных институтов и проектов), составляют лица смешанного происхождения.

В ходе интервью респондентам был задан вопрос о том, как им видится место Холокоста в еврейском самосознании: должно ли оно быть центральным или наоборот – надо стремиться отодвинуть Холокост на задний план и больше продвигать позитивное наследие русского еврейства?

«Минималисты»

Отметим, что сама эта формулировка вызвала весьма неоднозначную реакцию экспертов. По мнению известного этнографа, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге Валерия Дымшица, представление о том, что «Холокост занимает центральное место в еврейском самосознании» и речь лишь о том, принять

этот факт, как данность, или постараться уменьшить значение этой темы, далеко от реальности – во всяком случае, в отношении идентичности российских евреев. «Холокост, – полагает Дымшиц, – наряду с лояльностью к государству Израиль и посещением реформистской синагоги, является центром самосознания американских евреев. Почему это должно механически переноситься на российских евреев? Но это переносится. Подразумевается, что есть архетип еврея – еврей, живущий в США, а все остальные исходят из него. А это не так».

Близкой точки зрения придерживается видный ученый-культуролог и общественный деятель Михаил Членов, в прошлом – одна из заметных фигур, представитель т. н. «легалистской» фракции «культурнического» течения в неформальном еврейском движении советской эпохи¹⁷. Ныне он является профессором лингвистики в Московской Академии Маймонида, генеральным секретарем Евроазиатского еврейского Конгресса и вице-президентом Федеральной Еврейской национально-культурной автономии России. По мнению Членова, вознесение понятия «Холокост» произошло в 1960-х–1970-х гг., в силу чего его следует считать «некоторым продуктом пиар-творчества».

Академическим подтверждением такого подхода могут служить выводы, которые представила социолог и этнограф Елена Носенко-Штейн. Проведя многие десятки глубинных интервью с российскими евреями моноэтнического и смешанного происхождения, она пришла к выводу, что знаний о Холокосте у членов этой группы – крайне

17. Речь идет об идеологических течениях внутри еврейского диссидентского движения 70 – 80-х гг. прошлого века: «политики» видели в массовой эмиграции единственный способ решения национальных проблем советского еврейства, «культурники» настаивали на необходимости борьбы за возрождение и развитие еврейской культуры также и в СССР. Причем «легалистская» фракция «культурников» видела в этом не только временное решение на период, пока шлюзы еврейской эмиграции из СССР были закрыты, но и задачу на долгосрочную перспективу, и потому ради развития еврейской культуры в СССР были готовы на ограниченное сотрудничество с властями. Подробнее см. Khanin V. (Z.) Institutionalization of the Post-Communist Jewish Movement: Organizational Structures, Ruling Elites and Political Conflicts. // Jewish Politics and Community-Building in the Former Soviet Union (Special issue of Jewish Political Studies Review. / Ed. by V. Khanin. – Vol. 14. – No. 1–2. – 2002.

мало, роль памяти о Холокосте в самосознании – незначительна. «Ситуацию можно было бы рассматривать как парадоксальную, – считает Носенко-Штейн. Холокост – один из столпов еврейской самоидентификации в Америке, на территории которой в годы Второй мировой войны не был уничтожен ни один еврей. В России же, где почти в каждой еврейской семье есть погибшие в годы Холокоста, этот фактор малозначим»¹⁸. Исследователь считает парадоксальной ситуацию, когда люди многое знают о гонениях и государственном антисемитизме в Советском Союзе, но практически не осведомлены о событии, сыгравшем громадную роль в судьбах всего еврейства, и даже почти не интересуются им, поскольку мало у кого из респондентов было желание узнать об этой теме больше, хотя еврейская общинная пресса постоянно публикует материалы о Холокосте и Сопротивлении¹⁹. Окончательный ответ на вопрос о том, «почему пепел Клааса не стучит в их сердце», сама Носенко-Штейн оставляет открытым, полагая, что подобное явление можно лишь отчасти списать на ситуацию, имевшую место при Советской власти. Некоторые наши эксперты также были согласны, что Холокост для российских евреев не только не является центральным, но и вообще сколь-нибудь существенным фактором их идентификации, и не исключительно по причине антисемитизма властей и замалчивания этой темы в советскую эпоху. Согласно М. Членову, ядро российского еврейства (составляющего сегодня более половины еврейской общины на постсоветском пространстве), в отличие от украинских и белорусских евреев, – это потомки тех, кто массово покидал «черту еврейской оседлости», начиная с 1920-х гг. прошлого века, то есть 2–3 поколения назад. И потому Холокост для этих людей является не семейным опытом, а неким «абстрактным символом – примерно таким же, как

18. Цит. по: Носенко-Штейн Е. Кому нужен пепел Клааса? Память о войне и Холокосте у российских евреев разных поколений. // Помнить о прошлом ради будущего: еврейская идентичность и коллективная память. / Под ред. Т. Карасовой и Е. Носенко-Штейн. – М.: ИВРАН, 2014. – С. 133–158.

19. Носенко-Штейн Е. Быть или чувствовать? Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. – М., 2004. – С. 251.

Шестидневная война или создание Израиля», то есть «важным событием, в котором они не участвовали».

Дымшиц в своей оценке идет еще дальше, утверждая, что советские евреи, в силу исторических причин, были лишены того ощущения, которое было у евреев Европы. Холокост для них, как и других бывших советских граждан, был одной из сторон Второй мировой войны, которая протекала в СССР в формах, гораздо более жестких, чем в любой другой части Европы, многие из которых, по словам нашего респондента, по существу, мало чем отличались от этого самого Холокоста.

«Я живу в Петербурге, в прошлом – Ленинграде, тут от голода во время войны умерло свыше миллиона жителей – треть населения. Таких мест, где поразить чье-то воображение ужасами Холокоста довольно трудно, достаточно много. С другой стороны, советские евреи были в Красной армии, и могли сказать, что да, нас убивали, но мы их всех победили... Это другое самосознание людей – в отличие от американского еврейства, которое было сформировано в значительной степени либо теми, кто не участвовал в войне, либо теми, кто выжил в Холокосте. И которые донесли ощущение этой тотальной катастрофы, когда тебя убивают, а ты даже ответить ничем не можешь».

Потому, заключает Дымшиц, «...сознание советских евреев включает в себя память о Катастрофе, но под другим углом зрения. Если это так, то евреи регионов, которые были оккупированы фашистской Германией в годы войны, должны иметь иной нарратив Холокоста, предполагающий его центральную, или одну из центральных ролей для их идентификации».

Директор Украинского еврейского комитета Эдуард Долинский считает, что Холокост, возможно, именно так воспринимается поколением «выживших, узников и их детей» – как это происходит для его идентичности, людей, выживших в эвакуации. Но для поколения

его сына нашего собеседника (который учится в Израиле и все знает по рассказам отца), Катастрофа такого значения уже не имеет. Да и, по мнению Долинского, «для многих миллионов американских евреев – тоже вряд ли».

Соответственно, эксперты, разделяющие вышеприведенные позиции, полагают, что аспекты общинной политики, касающиеся памяти о Холокосте, должны выдерживать необходимую пропорцию. У старшего поколения, считает педагог и общественный деятель, президент Еврейской национально-культурной автономии Санкт-Петербурга Евгения Львова, «с темой Холокоста всё в порядке, а для детей эту тему нельзя эксплуатировать. Она, конечно, должна быть частью еврейского образования, но ею нельзя злоупотреблять. Как евреи, мы ответственны за сохранение этой памяти, как педагоги – чтобы это воздействие было адекватным».

Если это так, то «агрессивное продвижение» темы Катастрофы на центральные позиции в идентификационном комплексе постсоветской еврейской диаспоры при любом варианте развития событий будет носить искусственный характер, и потому вряд ли целесообразно. Михаил Гольд, главный редактор киевской газеты «Хадашот» (одного из наиболее успешных периодических еврейских издательских проектов на постсоветском пространстве), сформулировал этот подход следующим образом: «Три столпа постсоветской еврейской идентичности – это память о государственном антисемитизме, трагедия Холокоста и связь с Израилем. При этом память о Холокосте настолько формализована, что вряд ли может побудить молодежь, да и людей среднего возраста к какой-то активной еврейской общинной жизни».

Президент Российского еврейского Конгресса Юрий Каннер, который тоже видит большую проблему ашкеназских евреев в том, что над ними довлеет, как он выразился, отрицательная идентичность – не только Холокост, но и антисемитизм в целом – призывает «создавать позитивный контент» (как пресс-секретарь одесской

еврейской общины Болеслав Капулькин, утверждавший в нашей беседе, что «на плаче и скорби, которые должны существовать просто как память, невозможно строить народ и общину»). По мнению Канера, в русско-еврейской идентичности следует увеличивать доли такой положительной тематики как «Израиль, гордость за происхождение, литература, искусство, наука, образование, шахматы» – и сопутствующее этим сюжетам «формирование смыслов и средств доставки».

Видный украинский еврейский политик, председатель Ассоциации еврейских организаций и общин (ВААД) Украины, Йосеф Зисельс (в прошлом – активист подпольного еврейского и правозащитного движения в СССР) также полагает, что никакая тема «не может быть неадекватной и звучать больше, чем она это заслуживает». Включая Холокост, который, признает эксперт, так или иначе является частью нашей идентичности, но, тем не менее, не должен быть ее довлеющим, и, тем более, единственным элементом. Адекватным, по мнению И. Зисельса, отношением к памяти Холокоста является использование этой темы как основы для воспитания межнациональной и межрелигиозной толерантности, как в еврейской, так и (и даже в первую очередь) в нееврейской среде. «Это очень важно для нас – если мы ждем толерантности по отношению к нам, мы не можем этого добиться, если держим эту толерантность только при себе». Другой альтернативой, по мнению Гольда, является «расширение поля соприкосновения с позитивным еврейским наследием, и это не должно сводиться к набившему оскомину местечковому фольклору, который только отталкивает людей, ищущих в еврейской и русско-еврейской культуре глубину, динамичность и интеллектуальный диалог».

«Катастрофоцентристы»

Тем не менее, считать подобную точку зрения мейнстримом в среде интеллектуальной, профессиональной и политической элиты постсоветских еврейских общин, видимо, было бы большим

преувеличением. Многие наши эксперты выразили прямо противоположные суждения, поддержав мнение руководителя центра научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» Виктории Мочаловой, согласно которому «общество погружено в такую бездну безбрежную невежества, что, конечно, говорить о том, чтобы это как-то уменьшить (внимание к этой теме. – Прим. авт.) – невозможно».

Подобную позицию разделил и известный историк, заведующий кафедрой иудаики ИСАА при МГУ проф. Аркадий Ковельман, который в нашей беседе признал свою «эволюцию в этом вопросе». Ещё 10 лет назад А. Ковельману казалось, что с Холокостом «пережили». «Сейчас мне кажется, что это не так. Тема чрезвычайно важна, и не только для евреев. Потому что эпоха жестокая, и речь должна идти не только об убийстве евреев, но и об уничтожении человеческой жизни».

Жестче других наших респондентов в этом смысле выразился Борис Зайчик, российско-европейский предприниматель, основатель и глава благотворительных фондов, поддерживающих еврейские и нееврейские социально-значимые проекты.

«Что может быть вместо Холокоста? (и) что такое позитивное наследие русского еврейства? – недоумевает Зайчик. – Это когда внучка Доватора²⁰ опровергает, что ее дед – еврей, или когда в отечественной историографии утверждается, что Цезарь Кунников²¹ – не еврей, только потому, что он сам когда-то назвал себя русским? Пока мы рассуждаем о том, не занимает ли Холокост слишком центральное место в самосознании евреев, все, кому не лень, этот Холокост на каждом шагу ревизуют? Явно некоторые программы поддержки

20. Легендарный кавалерист, уроженец Беларуси генерал-майор Лев Михайлович Доватор известен успешными операциями по уничтожению нацистских войск в начальный период немецко-советской войны.

21. Майор Цезарь Львович Куников в период немецко-советской войны командовал отдельным вспомогательным десантным отрядом морской пехоты Черноморского флота. Прославился успешной и дерзкой операцией по захвату в феврале 1943 г. плацдарма на занятом германскими войсками и сильно укрепленном побережье в районе города Новороссийска (известном как «Малая земля»).

еврейского культурного наследия могли бы делаться по-другому. И уже говоря о Холокосте, стоит больше пропагандировать подвиг еврейского народа во время войны, но именно в такой связи».

Подобный подход может найти понимание и у тех исследователей, которые утверждают, что память о Холокосте является одной из основ этнической и национальной идентификации местных еврейских общин. Так, более 77% опрошенных американским исследователем Цви Гительманом и его российскими коллегами Владимиром Червяковым и Владимиром Шапиро в 1997–1998 гг. респондентов определили память о Холокосте как главный фактор еврейского национального сознания, и этот фактор значительно опередил все остальные предложенные исследователями варианты ответов²².

Авторы исследования, проведенного ранее (в 1992–1993 гг.), вообще утверждали, что Холокост является единственным общим компонентом исторической памяти бывших советских евреев. Причем, не только тех, кто продолжал тогда еще жить в странах СНГ и Балтии, но и тех, кто эмигрировал оттуда. Согласно этому опросу, порядка 70% российских евреев считали обязательным для настоящего еврея «хранить память о Катастрофе». Абсолютное большинство опрошенных, в том числе более 80% респондентов в возрасте от 16 до 29 лет, заявляли о наличии у них чувства, что «трагедия еврейского народа во время второй мировой войны – это и их личная трагедия», а 83,8% этой же группы признали, что Холокост оказал влияние на формирование их еврейского самосознания²³.

Наконец, более половины еврейской молодежи, опрошенной в ходе исследования антрополога Дины Писаревской в 2010–2012 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и еще семи городах России, заявили, что необходимость «хранить память о Катастрофе» является одним из обязательных условий того, чтобы считать человека истинным

22. Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В. Национальное самосознание российских евреев (статья первая). // Диаспоры. – 2000. – № 3. – С. 69.

23. Цит. по: Денкер Я. Этническая генетика: почему мы не евреи Запада. // IzRus, 14.07.2015. – Режим доступа: <http://izrus.co.il/obshina/article/2015-07-14/28255.html#ixzz4AAfpGRck>.

евреем. Эта позиция заняла второе место в шкале приоритетов, после довольно абстрактного чувства эмоциональной принадлежности к еврейству («чувствовать себя евреем»), которое выбрали три четверти респондентов²⁴.

Не исключено, что именно такое видение ситуации имеет свою проекцию на позицию тех еврейских общинных лидеров, которые могут быть солидарны с мнением президента Украинского еврейского студенческого союза Викой Годик, согласно которому «Отодвигать (тему памяти Катастрофы – *Прим. авт.*) точно куда не надо, хотя и нужно искать новые формы – в том числе и позитивные». Конкретизируя эту идею, директор Украинского центра изучения истории Холокоста и редактор журнала «Холокост и современность» Анатолий Подольский заметил следующее: «когда мы говорим Holocaust Studies, мы не имеем в виду перечисление дат и погибших в ямах и сожженных в камерах. Мы говорим о народе, который жил и остался... Не нужно делать из него центральную веху (идентичности), но и никуда отодвигать его нельзя. Это часть еврейской культуры, нужно лишь найти, тонко и профессионально, правильный баланс».

Интересно, что главными противниками снижения статуса темы Катастрофы и ее идеологического наследия в идентификационном комплексе постсоветских евреев выступили религиозные лидеры – причем, как ортодоксального, так и реформистского направления. Впрочем, и в их отношении к данному сюжету есть определенная разница в акцентах. Одни, подобно главе иудейской общины Одессы раввину Аврааму Вольфу, предлагают принять центральную роль темы Холокоста для еврейской идентичности в качестве аксиомы. И, соответственно, строить вокруг нее образовательную деятельность в еврейских сообществах стран СНГ. Другие, как занимающий

24. Цит. по: Ханин В. (З.), Писаревская Д. Еврейская молодежь современной России: этнонациональная и конфессиональная идентичность. // Вестник еврейского университета. – Иерусалим, 2013. – № 15 (33).

с 1980 г. пост Главного раввина Москвы и с 1993 г. – главного раввина России Адольф Шаевич, в принципе соглашаясь с идеей общинно-образующей роли мемориальной деятельности, полагают важным делать акцент и на общечеловеческой составляющей «уроков Холокоста».

«Хотя есть и те, кто пишет, что „многих [уже] достали Холокостом“, но это нужно, и не только евреям, – полагает Шаевич, – Чтобы люди понимали, что ни с одним народом нельзя так поступать: убивать человека за его национальную принадлежность. Не просто „нас убивали“, а „чтобы с вами такого не было“!».

Третьи, подобно главе общины прогрессивного иудаизма Киева Алексу Духовному, уверены, что пока живо поколение тех, кто пережил трагедию Катастрофы, и есть поколение, которое могло получить информацию об опыте своих дедов и прадедов «из первых рук», можно идти в будущее, прежде всего опираясь на память. То есть, исходить из принципа, что «если лучшим памятником тем, кто погиб, является наша сегодняшняя жизнь и строительство будущего, то Холокост не может быть на периферии национального сознания».

Самостоятельную категорию в этой фракции активистов еврейского движения и солидарных с их подходом исследователей представляют те, кто в принципе поддерживает концепцию памяти о Холокосте как одной из центральных основ этнонациональной идентификации постсоветского еврейства, но возражают против девальвации этой темы в угоду политическим и прочим «внешним» интересам. Именно так высказался Борух Горин, глава департамента общественных связей Федерации еврейских общин России, по мнению которого, «...с одной стороны, очевидно, что Холокост – это важная часть самосознания послевоенного еврейства, и любого человека. А с другой стороны, очень важно, чтобы тема Холокоста не была искусственной. В этой теме лично для меня, больше, чем что-либо другое, нестерпима фальшь. Это не та сфера приложения креативности, которая терпит какие-нибудь отступления от истины».

Итогом использования сюжетов, связанных с Катастрофой, «с нечистыми помыслами», полагает Горин, стало то, что «большому количеству евреев эта тема надоела». И если так пойдет дальше, она грозит претерпеть ту же инфляцию, что и тема победы и героизма в Великой отечественной войне. Хотя, по мнению респондента, «у евреев дело до такой степени еще не дошло, но дойдет непременно, если будет ощущаться фальшь».

«Но сколько можно «травить душу»?» – солидарен с Гориним раввин синагоги в Отрадном Довид Карпов. «Холокост должен быть центральным, но не в еврейской, а в общечеловеческой [парадигме]. А что касается еврейского, тут важен правильный акцент, и он должен ставиться не просто на воспоминаниях о жертвах и ужасах, а на попытке проанализировать и сделать выводы. Мы помним, нам это совсем небезразлично, но не должно быть безысходности. Особенно это важно для молодежи, поскольку, чем мы дальше от этого времени, тем больше теряется связь поколений. Такую связь, например, показывает проект „Бессмертный полк“. Вот интересное явление – стали отмечать 9 мая как еврейский праздник, (та же) связь поколений, чтобы в самосознании еврейской молодежи Холокост был не только абстракцией, но объективной реальностью».

«Эволюционисты»

Представленные выше два понимания места Катастрофы в самосознании постсоветского еврейства, на первый взгляд, базируются на взаимоисключающих положениях. Однако их примиряет третья из имеющихся в литературе точек зрения, предлагающая поставить обсуждаемую тему в историко-социологический контекст. Сторонники такого подхода (включая авторов этих строк) полагают, что стирание памяти о Холокосте в российской еврейской среде действительно имело место в советский период, однако, в 1990–2000-е гг. ситуация существенно меняется, что было вызвано рядом факторов. Во-первых, заметным местом мемориальных программ в деятельности,

которую в странах СНГ и Балтии ведут многочисленные местные и зарубежные еврейские организации. Во-вторых, востребованностью темы Катастрофы и героизма на официальном уровне в отдельных постсоветских странах (например, в Украине, Молдове и Литве), включая присутствие этих сюжетов в школьных учебниках и университетских академических программах. В-третьих, относительно большой популярностью этой темы в кинематографе, включая получившие широкую известность ленты, номинированные на премию «Оскар»²⁵.

С другой стороны, в годы, последовавшие за распадом единого Советского государства, в бывших союзных республиках формировались и самостоятельные нарративы Второй мировой войны, в которых место Холокоста весьма амбивалентно. Хотя институционализация памяти о Холокосте через мемориалы, музеи, посвященные этой теме периодические издания и т. д., продвинулась достаточно далеко – как, впрочем, и многочисленные примеры замалчивания и отрицания Холокоста, полемика по поводу которых тоже является частью общественного дискурса²⁶. Но место этой темы в массовом сознании постсоветских стран остается более чем скромным, что не может не влиять и на еврейский компонент местных обществ.

Анализ материалов инициированного Фондом Генезис (Genesis Philanthropy Group) и Европейским еврейским фондом (the European Jewish Fund) в 2012 г. исследования места памяти о Катастрофе в самосознании русскоязычного еврейства в Израиле и странах СНГ (включая оценку эффективности более 30 образовательных и общинных программ, проведенных в этих странах) подтвердил уже имеющуюся гипотезу. А именно, что сокращение числа переживших

25. Epstein A., Khanin V. (Z.) Non-Self-Evident Memory: Post-Soviet Jewry and the Holocaust. // *Judaica Ukrainica* 2. – 2013. – P. 142–151; Эпштейн А. Д., Ханин В. (З.), Лихачев В. Между бабушкой и учительницей: значим ли диалог поколений в формировании памяти о Холокосте еврейской молодежи современной России и Украины? // *Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции*. – Москва: Институт славяноведения РАН и Центр «Сэфер», 2010. – С. 188–206.

26. Полян П. Советские и постсоветские традиции замалчивания и отрицания Холокоста. // *Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем*. / Под ред. А. Коха, П. Поляна. – М., 2008. – С. 48–66.

Катастрофу и все больший промежуток времени, отделяющий нас от событий тех лет, стал фундаментальным вызовом сохранению памяти о Холокосте в XXI веке²⁷.

Этот вывод согласуется и с данными наших опросов участников программы «МАСА-Шорашим», в рамках которого учащиеся еврейских школ постсоветского пространства посещали регионы современной Украины, Беларуси и Литвы, где до Второй мировой войны активно развивалась еврейская социальная и культурная жизнь, почти полностью сторевшая в пламени Холокоста и последующих событий²⁸. В ходе исследования, которое было призвано оценить степень эффективности программы и ее влияние на самосознание участников, выяснилось, что почти половина опрошенных учеников еврейских школ России, Украины и Узбекистана ни разу не слышали, чтобы об уничтожении евреев во время Второй мировой войны упоминали или обсуждали в семье. А те немногие, кто все же упомянул семью как источник информации об этой трагедии, заявили, что слышали о ней от родителей или из родительских разговоров, а не от бабушек или дедушек, которые, впрочем, и сами не были современниками Катастрофы – вообще или в сознательном возрасте.

Одновременно подавляющее большинство респондентов заявили, что получение главных сведений о Холокосте и осмысление этой трагедии для них произошло в школе. Другим важным источником их знаний об этой теме был кинематограф и, в меньшей степени, литература. Вывод о том, что интерес к Холокосту может быть не связан с семейной историей, а объясняться, например, поездкой в Израиль

27. См. Korazim M., Gorbatshev J. The Contribution of Educational Programs on the Experience of Soviet Jewry in the Holocaust to Selected Groups in Israel and in the FSU. – Jerusalem: Myers-JDC-Brookdale Institute, June 2012.

28. Ханин З., Эпштейн А. Д. и Лихачев В. Проект «МАСА Шорашим»: содержательные и педагогические аспекты (социологический анализ). – Иерусалим и Рамат-Ган: Центр исследований проблем ассимиляции и еврейской преемственности им. Раппапорта, Университет Бар-Илан, октябрь 2008. Исследование было выполнено по заказу проекта «Хефциба» Отдела образования Еврейского агентства и Министерства образования Израиля при поддержке израильского отделения Конференции еврейских организаций по предъявлению материальных претензий к Германии (Conference on Jewish Material Claims against Germany).

по программе «Таглит», включавшей посещение мемориального комплекса «Яд Вашем», был сделан и Д. Писаревской. Причем, заметного различия воздействия темы Катастрофы на людей, выросших в смешанных и этнически гомогенных еврейских семьях, не наблюдалось²⁹.

О чем же свидетельствуют все эти данные? С одной стороны, они подтверждают, что сегодня отсутствует априорная возможность считать, что память о Холокосте бережно передается из поколения в поколение. Скорее, речь идет о памяти, формируемой извне, как будто бы связанной с событиями далекого прошлого, а не о том, что происходило в России и Украине всего лишь менее семи десятилетий назад. С другой стороны, неверным было бы утверждать, что память о Катастрофе является исключительно «заимствованным», и тем более «навязанным» компонентом коллективной идентичности постсоветского еврейства. Скорее, речь идет о том, что этот феномен, не являясь имманентной частью передаваемой из поколения в поколение традиции, все же является очевидным элементом естественного этнокультурного фона русско-еврейских общин. А его актуализация и конкретное выражение во многом зависит от оперативных потребностей и социально-политического контекста, в котором находятся эти сообщества в каждый конкретный промежуток времени.

Такой вывод может служить объяснением парадоксального, на первый взгляд, противоречия, независимо друг от друга зафиксированного двумя исследованиями – Е. Носенко-Штейн³⁰ и В. Шапиро и его коллегами³¹. В то время как в длинном списке предложенных исследователями ценностей и приоритетов еврейской идентификации такой фактор как «хранить память о Катастрофе» выбрали

29. См. Ханин В. (З.), Писаревская Д., Эпштейн А. Еврейская молодежь в постсоветских странах. – М.: Институт востоковедения РАН и Центр еврейского образования в диаспоре им. Лукштейна Университета Бар-Илан, 2013. – С. 128.

30. Носенко-Штейн Е. Быть или чувствовать? Основные аспекты формирования еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. – М., 2004. – С. 251.

31. Шапиро В., Герасимова М., Низовцева И., Сьянова Н. Евреи Санкт-Петербурга: этническая самоидентификация и участие в общинной жизни. // Диаспоры. – 2003. – № 3. – С. 95–149.

лишь, соответственно, 2% и 6% опрошенных, на вопрос о том, важно ли наличие у человека этой памяти, чтобы считать его евреем, положительно ответили уже от более 50% до более 80% респондентов обоих исследований.

Упомянутый контекст во многом объясняет и различия в отношении поколений к исторической памяти, включая тему Холокоста. Условия, в которых происходила этническая социализация молодых евреев стран СНГ в 1990–2000-е гг. чем дальше, тем больше приводили к тому, что у этих людей позитивные чувства принадлежности к нации стали превалировать над эмоциями негативного свойства. В том числе и теми, которые кроются в антисемитизме – прошлом или нынешнем. Ценностные ориентиры этой молодежи побуждают их конкурировать не за статус самого «несчастливого», а за статус самого успешного народа, что отнюдь не означает их желания вычеркнуть Холокост из личной или коллективной памяти.

Идентификация с еврейством через неприятие юдофобии и сохранение памяти о Холокосте, бывшие маркерами принадлежности к еврейству в первой половине 1990-х гг., меняли направление процессов в еврейской среде, причем не только у молодежи. Это, в свою очередь, приводило к усилению самосознания, выстроенного на основе чувств национального достоинства и гордости за принадлежность к еврейскому народу с его уникальной исторической судьбой на протяжении нескольких тысячелетий. Потому тема еврейского героизма и сопротивления, или, как ее обозначили исполнительный директор Киевской городской еврейской общины Анатолий Шенгайт и театральный продюсер и издатель Марат Страковский, «мышление гордости» (не забывая при этом, что речь все же идет о великой трагедии), сегодня востребована в существенно большей степени, чем другие сюжеты, связанные с Катастрофой европейского еврейства.

С нашей точки зрения, удачнее других экспертов желаемую схему адаптации этих тенденций к еврейской общинной политике сформулировал журналист и еврейский профессионал, бывший главный редактор изданий «Международная еврейская газета» (1997–2002 гг.) и «Еврейские новости» (2002–2008 гг.) Николай Пропирный. «В своё время была сказана великая фраза: «никогда больше», и именно из этой фразы должно строиться отношение к Холокосту. Но и строить еврейскую жизнь только на том, что мы – жертвы, мне тоже представляется неверным. Должен быть «околоизраильский» баланс вещей: не забывать о жертвах, но привносить больше позитива: и героическое сопротивление, и люди, строившие Израиль, и еврейский вклад в мировую культуру – этот сбалансированный подход в данном случае необходим. Если все время кричать, что мы – жертвы, то нас и будут воспринимать как жертву или спекулянта. Помнить и нести с достоинством тяжкий груз исторической памяти. И в то же время нужно вносить и какой-то позитив».

Заключение

Разумеется, столь сложная и многоцветная картина, складывающаяся из результатов исследований разных лет, имеет и свои проекции на позиции людей, формирующих повестку дня организованного постсоветского еврейского движения – общинных лидеров и профессионалов, журналистов, исследователей, издателей, деятелей культуры и прочих *opinion makers*.

Именно акценты и принципы, выработанные общинными лидерами, играют критическую роль в разработке публичной политики – причем, нередко не только на общинном, но и на государственном уровне – в этом, как и иных вопросах. Но уже беглый взгляд на тексты интервью, собранных в ходе использованного в данной статье исследования, инициированного фондом «Генезис» в 2015 г., показывает полное отсутствие консенсуса в существеннейших вопросах конструирования постсоветской еврейской идентичности.

Темы Катастрофы европейского еврейства (которой, как кажется немалой части опрошенных в ходе исследования экспертов, перегружены еврейские общинные программы) это касается едва ли не в наибольшей степени. Впрочем, те, которые считали, что эту тему следует вообще убрать из проектов либо отправить на периферию повестки дня еврейских общин, также были в абсолютном меньшинстве. Основная масса экспертов, достаточно далеких от данного вопроса, все же считают память о Холокосте важным элементом современной еврейской идентичности, предлагая лишь пропорциональное, сбалансированное базирование этой темы и расстановку правильных акцентов.

Нынешний социально-политический контекст, в котором позитивные чувства принадлежности к нации (включая сюжеты еврейского героизма и сопротивления в годы войны, успешность, во всех смыслах этого слова, как индикатор еврейского бытия, и Израиль как коллективный символ этого феномена), как было сказано выше, превалируют над эмоциями негативного свойства. В том числе и теми, которые кроются в антисемитизме – прошлом или нынешнем – что, несомненно, требует расставить новые акценты, как в академических исследовательских проектах, так и в общинно-образовательной деятельности организованных русско-еврейских сообществ в странах СНГ.

Остается лишь надеяться, что научная и профессиональная полемика между сторонниками различных подходов, которых мы обозначили как «минималисты», «катастрофоцентристы» и «эволюционисты», о понимании места исторической памяти в целом и наследия памяти о Катастрофе, в частности в национальной идентификации разных групп постсоветской еврейской диаспоры, будет идти в конструктивном ключе.

Vladimir (Zeev) Khanin,
Elina Bardach-Yalova

HISTORICAL MEMORY OF THE POSTMODERN EPOCH: EXPERTS' OPINION ON THE PLACE OF THE HOLOCAUST IN THE SELF-AWARENESS OF POST-SOVIET JEWRY

Nowadays, both Soviet Jewry researchers and organizations operating in Russian Jewish Diaspora are significantly challenged by the search of «a common identity denominator» for Russian Jewish communities of various countries and the patterns of their interaction with other Jewish communities. In this regard, one of the highlights, the essence and understanding of which are being currently substantially transformed, is the memory of the Holocaust. The given article primarily seeks to identify the role and the place of this issue in the value system of Russian-speaking Jewry as well as in the activity of organizations implementing cultural, educational and other projects for these communities.

The article is based on materials collected during a research project initiated by the Genesis Charitable Fund, which includes a number of in-depth personal interviews with people who exert the greatest influence on shaping public opinion and Russian Jewish communities' agenda. Besides, the researchers interviewed a wider circle of community leaders, professionals and opinion makers who are a part of or tightly cooperate with the established Russian Jewish communities of the FSU, EU countries, the USA and Israel.

This article attempts to answer the question of the extent, to which the Russian Jewish elites' opinions on the place of the memory of the Holocaust in Soviet and post-Soviet Jewry's identity match the pictures recorded in the most recent researches.

Key words: Jewish identity, post-Soviet Jews, Catastrophe, memory of the Holocaust, Russian Jewish communities.

ДЖЕРЕЛА

Ігор Щупак¹

ЗНИЩЕННЯ І РЯТУВАННЯ ЄВРЕЇВ БОРИСЛАВА: АНАЛІЗ ОДНОГО ДОКУМЕНТА З АРХІВУ ЄВРЕЙСЬКОГО ІСТОРИЧНОГО ІНСТИТУТУ

Відомо, що Голокост є одним із найкраще досліджених явищ історії і з огляду на виявлені та надруковані історичні документи, спогади, а також на наявну історичну літературу.

Серед джерел з історії Голокосту велику цінність мають архівні документи; найбільш значимими серед збірок архівних документів і матеріалів є видання 2000-х рр., підготовлені Ф. Винокуровою, М. Гоном, О. Кругловим, М. Тяглим². Окремі джерела періодично публікуються в журналі «Проблеми історії Голокосту» (Український інститут вивчення Голокосту «Ткума», Дніпро) та «Голокост і сучасність» (Український центр вивчення історії Голокосту, Київ).

Особливу групу джерел становлять *спогади та щоденники* жертв і очевидців Голокосту. У першій половині 2000-х рр. вийшли друком мемуари Л. Дусмана³, збірник спогадів «Проліски за

1. Ігор Якович Щупак – кандидат історичних наук, директор Українського інституту вивчення Голокосту «Ткума», Музею «Пам'ять єврейського народу та Голокост в Україні», м. Дніпро (з 2012 р.), докторант Запорізького національного університету.

2. Винокурова Ф. А. Евреи Винничины в период Второй мировой войны. Малоизвестные документы и новые интерпретации. – В 3-х тт. – Винница: Антэкс, 2000. Гон М. І. Голокост на Рівненщині (Документи та матеріали). – Академічна серія «Українська бібліотека Голокосту». – Дніпропетровськ: Центр «Ткума»; Запоріжжя: Прем'єр, 2004. Круглов А. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1944 гг. – К., 2002. Круглов А. Без жалости и сомнения. Документы и преступления оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941–44 гг. – Чч. 1–4. – Днепропетровск: Центр «Ткума», ПП «Лира ЛТД», 2008–2010 гг. Передайте детям нашим о нашей судьбе... / Сб. документов и материалов. / Ред. – сост. Л. П. Кравцова, М. И. Тяглый. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2001. Тяглый М. Холокост в Крыму. Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период оккупации Украины (1941–1944). – Симферополь, 2002.

3. Дусман Л. Помни! Не повтори! – Одесса: Друк, 2001.